

Олег Мироненко

Леший

Трилогия. Часть I

16+

Олег МIRONENKO

Леший. Трилогия. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40557545

SelfPub; 2019

Аннотация

И снова последний бой... Сколько таких битв уже повидала Русь-матушка? Сколько ещё впереди? Много, много... Герой попадает в сказку, переключавшуюся на Землю из другого мира. Сказку, погружающуюся во зло. Убивающую в нём человека. А ему очень надо им остаться, чтобы и другие тоже имели шанс оставаться людьми. Чтобы были написаны новые сказки, светлые и зовущие жить. Чтобы нечисть перестала плодиться на Руси. Это трудно, очень трудно – оставаться человеком.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

В пансионат (или дом отдыха, или неприметный глазу кабак – чёрт его знает) «Лукоморье» я приехал душным августовским вечером, когда в дороге не ощущаешь ничего, кроме солнца и пыли. Не заметив никаких признаков стоянки, также как наличия запрещающих знаков, я небрежно припарковал потрёпанную иномарку под развесистым дубом – без всякой золотой цепи и кота; вылез из машины, размял затёкшие ноги и огляделся. Особо рассматривать было нечего. Казённое двухэтажное здание грязно-белого цвета, выцветшая на солнце вывеска «Лукоморье», широкая щербатая лестница, массивная деревянная двустворчатая дверь с бронзовыми давно нечищеными ручками – всё это оставляло лишь неприятный осадок от царящего запустения в месте, построенного в своё время с должным размахом. Приняв окружающую действительность как она есть, я решительно поднялся по лестнице, не без усилий открыл дверь и сразу оказался в довольно прохладном помещении, где в глаза прежде всего бросались хорошо сохранившийся кожаный диван и большой доперестроечный стол с табличкой «Администратор». За столом сидела миловидная женщина неопределённого возраста между тридцатью и сорока, чуть полная, с большими зелёными и настороженными (это слово первое пришло на ум) глазами. От стола явственно несло рыбой. Я

не большой любитель играть в гляделки, но тут мы секунд тридцать молча рассматривали друг друга, оценивая достоинства и недостатки каждого, пока она первая не заговорила низким, чуть хрипловатым голосом, который у женщин принято считать сексуальным (хотя, возможно, им просто поменьше надо было бы курить):

– Ну, здравствуйте, мил человек. Лешего нашего приехали навестить?

От такого попадания в яблочко я невольно растерялся, выдавая себя с головой, и неловко ответил вопросом на вопрос:

– К-какого лешего?

– Того самого. – Женщина чуть поморщилась. – Вы кто вообще – любитель или... как это там... специалист по парааморальным явлениям? При окладе небось?

И опять точно в цель. Я действительно работал в секретном Институте паранормальных явлений, и там накопилось достаточно информации для того, чтобы один из лучших сотрудников данного учреждения был послан командировку и разобрался, стало быть, на месте во всей творящейся здесь хреновине.

Между тем не в меру проницательная администраторша уверенно держала инициативу в своих руках:

– А почему бы нам с вами для начала не познакомиться? Аделаида Ивановна. Русалка. Днём.

В подтверждении её слов из-под стола вдруг появился большой облезлый рыбий хвост, игриво поиграл в воздухе и

снова исчез, шумно плюхнувшись, по всей видимости, в какую-то большую бадью.

Я попытался мысленно досчитать до десяти, но Аделаида Ивановна прервала это моё занятие фразой:

– Зря вы машину под дубом поставили. Уберите, пока не поздно.

– П-почему? – выдавил я из себя.

– Уберите-уберите. Поверьте, это очень хороший совет. – Он шевельнула хвостом.

Но машина занимала меня сейчас меньше всего.

– Вы... настоящая русалка? – промямлил я.

– А вам какая нужна? – иронично осведомилась моя собеседница.

– Н-не знаю, я никогда ни одной не видел... А почему вы не на дереве... не в ветвях? – блеснул я эрудицией шестиклассника.

– Хватит, насиделась, – неожиданно резко ответила женщина-русалка. И добавила вполне уже вполне миролюбиво:

– Уезжали бы вы поскорее отсюда. Тут и без вас весело.

– Да нет, пожалуй, мне лучше остаться, – медленно произнёс я. Аделаида Ивановна повела плечами, а заодно и хвостом:

– Ваше дело. Хотите с ума сойти – сходите. Вы, как я вижу, не сторонник прислушиваться к чужим советам. Будем заселяться?

Она записала мои данные в потрёпанный гроссбух, всем

своим видом показывая, что не верит ни одному моему слову, но никаких документов не спросила. Мне был вручён ключ от комнаты № 17 и велено подниматься на второй этаж и далее по коридору направо. На том наш первый разговор и закончился.

Комната оказалась по коридору не направо, а налево. Я безуспешно несколько минут пытался провернуть ключ в замке, пока дверь под моим нажимом не открылась сама. Обстановка в номере была самая что ни на есть спартанская: тощий матрас на железной кровати, стол в окружении трёх ветхих стульев и умывальник типа «а-ля моя деревня» глаз особо не радовали. Правда, окно было широкое, занимавшее большую часть стены, и выходило оно как раз на дуб, одна из мощных ветвей которого почти касалась стёкол. Я осторожно присел на тут же заскрипевший стул и задумался. От дуба в комнату тянулись тени, и мною вдруг овладело какое-то смутное, иррациональное беспокойство. Я встал со стула и подошел к окну. Машина стояла под деревом. Решив для себя, что моё состояние вызвано словами Аделаиды Ивановны (как, впрочем, и экстравагантным видом последней), я счёл нужным всё-таки последовать её совету. Спустившись, я обнаружил осиротевший стол, и некоторое время мотал головой по сторонам, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки администратора. «У неё что... ноги выросли?» Я даже заглянул под стол – бадья с водой была на месте. Вздохнув, я уже без всякой охоты вышел на улицу, добрёл до машины,

уселся на сиденье, повернул ключ зажигания... Машина не заводилась. Почему-то не особо этому удивившись, я вылез обратно, поднял капот и обнаружил отсутствие аккумулятора. Чтобы хоть как-то унять подступавшую вместе с сумерками совсем не шуточную тревогу, я решил для разнообразия рассердиться.

– Ну и какая сволочь это сделала? – заорал я, обшаривая взглядом территорию.

– Если через пять минут....

Никаких пяти минут не понадобилось. В ветвях дуба что-то зашуршало, и на крышу машины с грохотом свалился аккумулятор. Затем наверху кто-то то ли срыгнул, то ли мяукнул, причем как-то нехотя, без всякого удовольствия.

«Охренеть...»

Желания покарать обидчика не возникло у меня однозначно. Ноги сами устремились обратно к парадному входу, далее вверх – в номер, где я обнаружил уже опрятно заправленную кровать и тут же завалился на неё, пытаясь в глубинах сознания обнаружить остатки мужского достоинства. Их не было. Было огромное желание оказаться подальше отсюда, но за окном были дуб, поздний вечер и моя раскорёженная машина. И какая-то тварь, повадками напоминающая в меру сытого удава. В комнате скрипнул стул. Я вскочил, судорожно нашарил выключатель и при свете тусклой лампочки, выглядывавшей из пыльного неопределённого цвета абажура, увидел незамеченную мной ранее Аделаиду Ивановну,

сидевшую в непринуждённой позе «нога-за-ногу», с руками, скрещенными на шедевральной груди. Ноги, как и руки, были чуть полными и очень сексуальными. Из одежды кроме чёрных чулок со стрелками на женщине больше ничего не было.

– Что же вы, дружок, из банальности трагедию делаете? – с лёгкой укоризной спросила Аделаида Ивановна, спокойно давая разглядывать свое почти совершенное тело.

Вид обнажённой человеческой плоти вдруг почти успокоил меня.

– Вам легко говорить... Вы сами себя считаете... – тут я слегка замялся, – обыденностью.

– Ну да. Обычная баба. И вы можете мне помочь. – Тут она закинула руки за голову и сладко потянулась. Я заморгал и отвёл глаза:

– Может, сначала *вы* хоть что-то мне объясните?

– Да что тут объяснять-то? – Вполне искренне удивилась женщина. – Было Лукоморье – стало Залукоморье. Скоро сам всё поймёшь, раз уж решил остаться.

Она перешла на «ты», и в этом «ты» у неё было больше вежливости, чем когда ранее она обращалась ко мне во множественном числе. Я помотал головой:

– Это не объяснение.

– Ну хорошо, – проворковала собеседница и провела руками сверху вниз по своим прелестям. – Каких объяснений ещё желает мой милый мальчик?

Ох, как она это выдохнула – «мой милый мальчик». Нечто совсем уж плотоядное отразилось у неё на лице, и чувственность, никак неуместная для бывалого мужчины и опытного спецработника, полностью овладела мной.

Она, конечно, заметила, как я уже в открытую лихорадочно шарю глазами по ее ногам и выше, непринуждённо улыбнулась:

– Извини, привыкла нагишом в озере купаться. – Хохотнула:

– Однако, сейчас Машка подоспеет, так ты на меня больше и не взглянешь.

Я немного опомнился:

– Машка? Что ещё за Машка? Куда подоспеет? Зачем?

Опять смешок, почти вульгарный:

– А дочь бабы-яги это. Ей уж скоро лет триста стукнет... Мамаше-то, конечно, поболее будет.

Тут в комнату действительно вошла девица, медленно прикрыв за собой дверь, как бы сожалея о сужении радиуса обзора её форм оттуда, извне. Вся она была словно точеная: точеная маленькая головка в экзотическом обрамлении пучаницы черных волос, точеная шейка, точеные упругие груди с точеными стоящими сосками, точеная талия, изящные точеный ножки с маленькими ступнями... Из одежды на ней, естественно, были только слегка прикрывающие лобок трусики и прозрачная мини-ночнушка. Эта немыслимая по своей совершенности точёность сразу же скрутила моё либидо

и начало выжимать из него соки эротических фантазий. Всё это, очевидно, явственно отразилось на моём лице, потому что Аделаида Ивановна (не без некоторой ревности в голосе), произнесла:

– Ну всё, Машенька, хватит... Пожалей человека.

И Машка тут же преобразилась. Волосы ее вдруг оказались заплетёнными в косу, шальные карие глазки потупились, на щеках заиграл смущенный румянец, а тело до самых ног прикрыл полотняный сарафан.

Мой пульс постепенно стал возвращаться от 180 к более привычной норме.

– Ну а теперь, милочка, расскажи вкратце нашему гостю, что тут у нас происходит. Вдруг его психика окажется сильнее, чем мне показалось вначале, и он именно тот, кто нам нужен, – мило проворковала Аделаида Ивановна.

– Ну что же, голубушка, раз вы так считаете... Как вы относитесь к сказкам? – обратилась непосредственно ко мне дочь сказочного персонажа. – Считаете их только плодом буйной фантазии, как и своей в данном случае?

Последнюю фразу она произнесла с явным удовольствием, как будто хорошо ответила на выученный урок.

– Ну... – я помялся с ответом, тем более что сомнения в расшатавшейся психике у меня действительно уже появились.

– Не нукайте. – Машка сдвинула писанные брови. – Всё, что когда-либо было описано в сказках, действительно про-

исходило на самом деле. Слово-то оно, милочек, не зря молвилось... О том же, что творится сейчас, разговор у нас пойдёт впереди.

Право, было несколько странно выслушивать, как молодая очаровательная девушка говорит чистым голосом, но с явными интонациями старухи.

– Так вот, – без запинки жарила роковая красавица, – в один прекрасный момент насочиняли столько, что деваться стало уж некуда: тут тебе и драконы, и кашеи, и водяные, и кикиморы, и домовые – да кого только не было! И все к нам, к нам – да куда же ещё-то? Порядок срочно надо было наводить. Ну и Сергеевич – царствие ему небесное, как у вас говорят – его и навёл.

– Что за Сергеевич? – осведомился я.

– Чё тупим, милый? – Машка пожевала медовыми губками. – Пушкин конечно же, Пушкин. Александр Сергеевич. Он всем проживающим в Лукоморье место своё и определил. Кое-кем пришлось, конечно, пожертвовать. Драконы вымерли, домовые обиделись и сами по миру разбрелись. Так оно и шло до поры до времени... Но всем-то, понятное дело, не угодишь. Вот и у нас свой мессия объявился.

Тут фыркнула и подала голос Аделаида Ивановна:

– В ЛТП вовремя не определили, вот и объявился. Извини милая – продолжай, продолжай.

Голова у меня пошла кругом.

– Подождите, подождите... Так что, Лукоморье в самом

деле существует?

– Ну как же... – Машка обиделась почти натурально. – О-хо-хо-х, вам ли не знать... А ведь многие и знали, да времена сам ведаешь какие были, так что был здесь заповедник прикрытый. Кто привилегии имел, тот и коту слушал, и русалкой любовался, и у бабы-яги в баньке парился, и на неведомых дорожках невиданных размеров кабанов да медведей калечил. Всё было, милок. И леший был как леший – шут гороховый, да и только. Да вот только наловчился как-то из травки болотной кисель свой мерзкий делать, вот тут-то веселье всё и началось...

Машка немного помолчала, словно боясь наговорить лишнего. Продолжила, с некоторой натугой:

– В общем, чёрт ему привиделся. Сам-то он говорит, мол, дар ему открылся, теперь запросто с чёртом за одним столом сживает – с перепоею мужики и не такое могут насочинять, почище этого альфонса лохматого... Но кое-что всё-таки сходится.

– Что значит... сходится? – устало выдавил я.

– А ты подумай-ка, подумай, это полезно бывает... – Её снова прорвало. – Чёрту ведь что надо? Душу твою забрать, дар твой бесценный. Вот леший вроде бы как ему в этом деле и помогает.. Ведь природа-матушка как устроила-то? В каждом человеке и плохое и хорошее перемешано, но отродясь ему велено самому во всём разобраться: что в нём плохо, ну а что хорошо. Понимаешь, милок? Самому. А леший со сво-

ей отравую заставляет находить у людей в себе только плохое. Каждому по потребности, марксист хренов... – Рассказчица не то хихикнула, не то хрюкнула. – Слабину-то каждый в себе держит. Вот, например, водяная у человека душонка – ну так что ж? к водяному его теперь, в утопленники записываться? Или любит человек золото – ну, любит и любит – так, значит, к кашею его, болезного, в подручные? Или баба вон, на мужиков падкая – к кикиморам её, до смерти мужей неверных защекотывать?...

По коридору кто-то протопал, судя по звукам, явно босиком и с мокрыми ногами. Машка быстренько просунула голову за дверь и обратно, затем зло сплюнула на пол:

– Шляются тут...

– Простите... кто шляется? – мне, в общем-то, было уже всё равно, что за новый персонаж там появился.

– Да сам посмотри, что языком-то по-зряшному молоть...

Я осторожно выглянул за дверь и через три комнаты от себя увидел человека среднего роста, с водянисто-мучной кожей, с тиной на голове и плечах и с худыми ногами, которые венчали зримо перепончатые ступни. Из одежды на нём были только неряшливо всящие пиджак и трусы. Человек трясся перед дверью, прыгал поочерёдно то на правой, то на левой ноге и что-то непрерывно бормотал. Затем внезапно он повернул голову в мою сторону, и я увидел его рыбы белёсые глаза, которые, казалось, будто и не заметили меня вообще, отчего мне сделалось совсем муторно. «Водяная душон-

ка...»

– Чего это он так ... нервничает?

Машка зевнула.

– От лешего явился... Заклинания вспомнить не может, чтобы в комнату попасть... Что-ты, они же все чародеи у нас теперь, дверь открыть без своей абракадабры не могут.

Машка опять плюнула на пол.

Тут в разговор вмешалась Аделаида Ивановна:

– Ну-ну, Машенька, хватит пожалуй... Человек с дороги, уставший, его пригреть для начала бы надо...

Как-то неожиданно проворно она оказалась рядом, обвила мою шею руками и поцеловала в губы... И вот мы уже лежим вместе на узкой кровати, она – сверху; и обволакивает, обволакивает меня своим телом, пока я не погружаюсь в сладкое бездонье... Потом – вспышка – на мне уже новое тело, жгучее и стремительное, берущее своё, истязающее мою плоть, ноющую до иступления – и снова провал в спасительную одурь... Когда я наконец очнулся, в голове сильно шумело, но не настолько, чтобы не слышать доносившийся шепоток:

– Ну, он или ни он?

– Ой, не знаю... Вроде бы ещё ни с кем так сладко не было... Есть в нём силушка, есть... Да как угадать-то? Опять ведь грех на душу можем взять...

Я открыл глаза и шепоток сразу смолк. Говорят, что мужики от секса глупеют, но я почему-то резко поумнел, а по-

умнев, спросил строгим и чужим для самого себя голосом:

– А ну, нимфоманки, быстренько выкладываем, какого лешего я вам тут нужен.

Они обе стояли передо мной голые, покрасневшие от пережитого грехопадения, и молчали. Наконец заговорила Аделаида Ивановна.

– Ну да ладно... Видно, судьба. Нужен ты нам, мил человек, действительно – ох как нужен...

– И для чего это? – подозрительно спросил я, вдруг представив нескончаемые дикие оргии.

– Да видишь ли, – Аделаида Ивановна смотрела куда-то мимо меня, – киселёк-то, что леший сподобил, особенный для нас, для здешних... Меня вот – женщиной делает, а ни рыбой – ни мясом; Машке – красоту даёт... Коту правда, впрок не пошёл, в остервенение только вогнал, хвост мне чуть не отгрыз – решил, что в доброго молодца превратился, а как был скотиной говорящей, так и остался. Леший-то потчевать нас этим кисельком потчует – но не за просто так, разумеется, сквалыга чёрттов... – Аделаида Ивановна тут зримо закручинилась. – Услуги мы ему должны за это оказывать разные непотребные, Залукоморье его расширять, самим противно, уж мочи нет – а что делать? – мне опять в кадку? а Машке в страшилище трёхсотлетнее превращаться? И к нам, значит, ключик нашёл, окаянный... А я бабой простой хочу побыть, мужика найти путёвого. Детишек-то, понятно, завести вряд ли не удастся. И венчанной не ходить...

Она всхлипнула.

У меня снова разболелась голова.

– А ну-ка, быстренько пошли отсюда! – рыкнул я. – Устал я от вас что-то до невозможности...

Они тут же словно испарились. Я накрыл голову одеялом и странно быстро кувыркнулся в темень...

Глава 2

Проснулся я утром не сразу, всё никак не мог сбросить липкую паутину сновидений. Кое-как встал, ополоснулся мутноватой водичкой из умывальника, подёргал руками и ногами для поднятия боевого духа. Потом вздохнул, оделся и спустился в вестибюль, где уже игриво поигрывала хвостом в кадке Аделаида Ивановна.

– Доброе утро, мил-человек, – приветливо обратилась ко мне она. – Как спалось-то?

– Да вроде бы ничего... вашими стараниями, – не удержался я от шпильки в ее адрес. Впрочем, она не повела ни ухом, ни хвостом.

– Поесть-то у вас можно где-нибудь? – решил я сменить тему.

– Ну а как же, как же... – проворковала Аделаида Ивановна, донельзя административная в пиджаке мужского покроя и строгой блузе.

Судя по её интонациям чаровницы-баловницы, я ожидал появление скатерти-самобранки – никак не меньше; но всё оказалось гораздо прозаичнее. Аделаида Ивановна достала какой-то замусоленный талон, потребовала от меня денег за комплексный завтрак, обед и ужин и отправила в столовую, которая находилась за углом. При этом велела поторапливаться и после приёма пищи немедленно возвращаться к

ней, потому как скоро должна подойти Машка.

Я вздохнул и побрёл через уже опостылевший вестибюль на улицу.

На улице рос дуб. На его кряжистом суку сидел громадный чёрный котяра с белым узором на груди и исподлобья пялился на меня.

– Ну здорово, сволочь... – сказала вдруг животное утробным голосом-не-голосом, но явно членораздельно.

Я взбеленился. Увидел лежащий камень и направился было к нему, но вновь произнесённые с угрожающим шипением слова заставили меня остановиться:

– Желудями закидаю... А то и сук на башку свалится.

Это мне хотелось меньше всего. Пришлось пойти на мирные переговоры.

– Тебе чего от меня надо, недоразумение ты сказочное? Зачем машину угробил? – голос мой звучал низко и, как мне казалось, угрожающе.

– Неча под дубом было ставить. Мой дуб. – Кот смачно зевнул, ощерился зубастой пастью. Зрелище было сильное, но я упрямо продолжил:

– Табличку прибей, мурло ушастое!

– Не хами. Убаюкаю.

И почему-то прикрыл свои бесстыдные зелёные глазища.

– Хрен тебе, – тут же воодушевился я. – Я тебя сейчас сам убаюкаю – так убаюкаю, что и налево, и направо одни частушки матерные будешь голосить!

Кот вдруг широко открыл зенки и упёрся зрачками прямо мне в переносицу. Там сразу же зачесалось, и я чихнул.

– Это что ещё за метода? – язвительно спросил я, постепенно успокаиваясь.

– Ну, не получилось... – Кот начал перебирать лапами, выставляя напоказ здоровенные когти. – Бывает. Щас зато получится.

Не знаю, чтобы у него получилось, но тут откуда-то выскочила Машка, схватила меня за руку и потащила прочь от дуба, приговаривая:

– Предупреждали тебя, олух, не связывайся ты с ним, вредный он, и кисель ему не на пользу...

Она дотащила меня до столовой, усадила за стол, притащила с кухни жаркое с зеленым горошком и стакан компота, бросила:

– Лопай давай, да дела пора делать!

Жаркое было вкусное. Компот сладким. Горошек я проигнорировал. Машка сидела напротив в своём сарафане и смотрела, как я ем. Выглядела она уже не так сексапильно, как вчера, черты лица у неё заострились, бросалась в глаза одряблость шеи. И голос был с какой-то трещинкой.

– Стареем? – попивая компот, не удержался я от явной бестактности.

Она только вздохнула.

– А ты как думал? Киселёк только вечером будет, а до этого его ещё заработать надо...

– За мой счёт? – вдруг вырвалось у меня.

– Соображать начал... – Машка пытливо изучала моё лицо. – Что помрачнел? Али забоялся уже?

Я допил кисель и решительно поднялся.

– Пойдём-ка. Не мешало бы для начала узнать, с чего мне вдруг вообще надо бояться.

Генеральный план компании был поведен мне в какой-то зачумленной кладовой, куда мы с Машкой перетащили кадку с Аделаидой Ивановной (ох, и запашок же шёл от неё!), где, по словам источника амбре, нас вряд ли могли подслушать. Началось всё, естественно, с переживаний по поводу – тот я или не тот; когда «охи» и «ахи» достигли своего накала, мне пришлось прикрикнуть на них. Я сказал, что понятия не имею, тот я или не тот, а также кто они – те или не те. Как более великовозрастная и опытная первой сдалась Машка. Она сказала Аделаиде Ивановне, что устала от вечных ожиданий и готова рискнуть. Тогда последняя тоже решилась на ва-банк и дальше всякую хрень вешала преимущественно она. Ничуть не смущаясь Машки, она сказала, что мне надо к бабе-яге, что это редкостная сволочь, давно бы вошла в долю с лешим, но тот её не привечает. Кроме лешего, она ведёт интриги против водяного, ищет свой рецепт киселя и вообще – вряд ли она мне по зубам, но попробовать всё же стоит, потому что выхода у них нет и... Услышав мой зубовный скрежет, она тут же спросила, есть ли у меня вопросы к ней и Машке. Вопросы у меня были.

– Зачем мне вообще соваться к этой вашей бабе-яге?

– Потребности она твои определит... – Аделаида Ивановна явно начала скупиться на слова.

– Так... И как же я к ней попаду? – оценив эту скупость, ёкнул я нутром.

– А Машка и проводит... А то тут знаешь – на неведомых дорожках следы неведомых зверей. Да и богатыри расстарались – капканов везде понаставили...

– Тридцать три – или сколько их там – богатыря, что ли? – хмуро спросил я, опять начиная терять почву под ногами.

– Ну да... – Аделаида Ивановна немного оживилась. – Они здесь вроде как для охраны, но кроме как бражничать да шуметь по зряшным поводам ничего уж и не могут... Цепь вон золотую на печатки себе разобрали, когда модно было, кота в дупло запихали (три дня вылезти не мог, орал, как недорезанный) – вот и все их последние подвиги...

– Подожди-подожди, – встрепенулся я, – если они для охраны здесь, то почему сами этого вашего лешего не образумят?

– Так ведь пробовали уже... – Русалка снова угасла. – Слабы они против него. Всю силушку прображничали... Дядька ихний от злости балуется иногда кисельком, когда полетать хочет, чтобы, значит с черномором подраться. – Она покачала головой. – Про этого в последнее время вообще мало что известно – колдует там сам по себе, держится от всех в стороне, особенно от дядьки.

Я помолчал, побряхтел задумчиво. Продолжил дознание:

– А... К чему это леший дядьку киселём потчует?

Аделаида Ивановна потупилась, как от стыда.

– Да я так думаю – для смеха едино... Цирк устраивает, глумится.

Я вздохнул.

– Что тут у вас ещё за персонажи имеются? Как насчёт водяного?

– У-у, – русалка аж вздрогнула, – чума это болотная. Свой счёт на души ведёт. С ягой воюет по этому поводу, лешему же люто завидует... Но пока в драку не лезет, киселёк ему ох как нужен, так что в обмен на него всех своих кикимор заставляет по болотам шастать, корешки искать... Сколько раз сам пытался его сварить – бестолку всё. Секрет только леший знает.

Я ещё поднапряг память:

– А кашей как поживает? Над златом чахнет?

Аделаида Ивановна фыркнула:

– А что ему будет-то? Барыга он и есть барыга. Дружок у бабы-яги, вечно вместе в каких-то проектах участвуют.

– Ещё какие-нибудь фольклорные личности присутствуют? – Всё не унимался я. – Соловей-разбойник, например?

Они переглянулись, пропустив мимо ушей «фольклорных личностей». Потом Машка стала загибать пальцы:

– Царевна сбежала давно – и слава Богу, а то совсем себя Катькой вообразила – со всеми мужиками переспала. Раз

до сих пор не вернулась – значит, сгинула где-то. Волка вот жаль, добрый был зверюга, подстрелили по недоразумению... Про Соловья твоего тут слыхом не слыхивали – это видимо, из другой оперы. Тут теперь новых персонажей полным-полно, из этих... натурализовавшихся.

– Каких-каких?

– Таких. Кто душу продал. Уж и не знаю кому – лешему-ли, чёрту-ли...

Мы ещё немного поболтали в том же духе, пока я не понял, что спрашивать-то, собственно говоря, больше и нечего, и придётся мне топать к бабе-яге, если действительно хочу я хоть сколько-нибудь разобраться во всей этой этой баламуте. Разбираться, однако, не очень-то и хотелось – слишком всё происходящее смахивало на плохой сон, да и подмоги никакой... Я было заикнулся Аделаиде Ивановне, что мол, неплохо бы было позвонить куда-нибудь, посоветоваться с товарищами, на что она тут же железным голосом ответила, что лишний шум им только во вред, что они с Машкой от всех своих слов откажутся и вообще окажусь я в дурдоме – куда мне и дорога, если я не тот.

Я вздохнул. Молвил устало:

– А теперь конкретно и без лирики: что вам от меня надо?

Всё с теми же стальными нотками в голосе русалка отчеканила:

– Лешего надо вернуть в прежнее его докисельное состояние. И добыть рецепт этого самого киселя. Для нас.

– Для кого это – для вас? – зачем-то переспросил я. Ох, не в своей я всё-таки был тарелке, не в своей.

– Как это для кого? – недобро прищурилась хвостатая администраторша. – Для нас Машкой, разумеется.

– А соблазна не будет свои порядки начать устанавливать?

Увидев на лице Аделаиды Ивановны готовность немедленно обидеться, я предостерегающе поднял руку.

– Ладно, ладно. Шучу я, шучу. Когда тронемся-то?

Тронулись почти сразу. Машка на прощание ещё о чём-то пошептала с Аделаидой Ивановой, но мне уже было на это наплевать. Кота на дубе не было, что немного меня расстроило – я хотел было напомнить ему про роту нетрезвых товарищей. Как бы-то не было, солнце было высоко, идти, как сказала Машка – недалеко, но все ноги обобьёшь; и я потопал навстречу своей судьбе.

Глава 3

Дорога и в самом деле оказалась разухабистой: переплетённые корни как будто специально лезли под ноги, еловые лапы ежово скользили по лицу, солнечный луч, бьющий в просветах по глазам и золотящий липнущую к телу паутину, только усиливал и без того разительный контраст между чащобой и остальным миром. Мы обошли стороной бивак богатырей, чтобы не попасть в поле зрения гулких хмельных голосов, и некоторое время кружили по болоту, под безрадостное кваканье лягушек. Машка давала мне последние инструкции: ни в коем случае не называть своего настоящего имени («от сглазу»), ничего не пить и уж точно не есть («здоровее буду»), ни о чём не расспрашивать (мол, умников бабка на своём нескончаемом веку повидала немало). Наконец пришли. Избушка, заботливо прикрытая лапами двух сросшихся здоровенных елей, с почти полностью спрятанными под зелёным мхом куриными ногами, воображение не впечатляла. Но вот облик её обитателя, вышедшего на порог посмотреть, кого это там несёт, напрочь разбивал все стереотипы, заботливо выпестованные в своё время в гримёрке «Мосфильма». Нет – и космы седых спутанных волос, и костистое сморщенное личико с носом-крючком, и груда тряпья на высохшем тельце – были те же, что и в моём далёком детстве (бабка явно использовала киселёк не для омоложения,

имидж есть имидж, нечего зря народ дурачить), но вот глаза... Они смотрели на меня безудержной синевой, радостные и недоумённые одновременно; а когда старуха сощурилась один, как будто подмигнула, я не выдержал и заулыбался во весь рот. Машка толкнула меня локтем в бок и шепнула в ухо:

– Чё лыбишься? Не её это глаза. Кто-то слепой по миру бродит...

Мурашки побежали у меня по спине. «Душу прячет... Вот это гримёр так гримёр»

Бабуля заговорила первой, противным старческим голоском, но смачненько так:

– Машка, ты кого это привела? Как звать-величать молодца?

– Семёном звать, – чинно отвечал я вместо Машки.

– Сенькой, значит... – Бабка без всякого стеснения зыркала по мне синевой. – Ну заходи в дом, Сеня, чё на пороге-то стоять. А ты, Машка, иди. Иди, кому говорю! Без тебя разберёмся, что это за гость такой.

Поднявшись по толстенным, явно дубовым, ступеням, я очутился в избе. Сразу бросились в глаза русская печь с большущим окном, выскобленный стол с лавкой, кованный сундук с витиеватой позолотой, закрытый на амбарный замок. Метла и ступа опрятно стояли в углу. Чистота в избе вообще была на грани аматофобии.

Яга усадила меня за стол, на который шустро поставила

глиняные кувшин и кружку.

– Испей кваску с дороги, мил-человек, умаялся небось...
– ворковала она вроде как радушно, но не менее противно, после чего уселась рядышком на лавку и уставилась мне куда-то в висок переносицу. Я тут же чихнул. «Они с котом там сговорились, что ли?»

Побуравив меня взглядом, старуха вздохнула и проговорила:

– Ты пей квасок-то, пей... Али брезгуешь?

После Машкиных наставлений пить не хотелось, но вцепившаяся в меня вялость не позволила придумать что-либо путное для отказа. Квас, однако, и в самом деле оказался отменный, холодно-бодрящий, с лёгкой кислинкой, – я пил и всё никак не мог оторваться, пока наконец не осилил изрядных размеров кружку. Когда же я перевёл взгляд на хозяйку, намереваясь искренне её поблагодарить, то сразу понял, что никаких благодарностей не требуется. Исподлобья свой чёрно-синий грозовой взгляд на меня уставил детина в форме сержанта НКВД. Не дав опомниться, детина заорал дурным визгливым голосом:

– Как тебя звать, с-сука? – после чего на мою голову обрушилась увесистая оплеуха, сбила меня на пол и оставила там беспомощного. Надо мной завис здоровенный кулак, и тот же дурной голос проверещал:

– Отвечать, когда спрашивают, падла!

Я закрыл глаза, надеясь умереть сразу, но в место зубо-

дробящего удара к опухшей щеке прикоснулась узкая холодная ладонь, и ласковый девичий голос скороговоркой полился мне в уши:

– Ну что ты, что ты? Видишь, уже совсем-совсем не больно, ни капельки не больно...

Явственно я ощутил, как спадает опухоль на лице и перестает шуметь голова. Открыв глаза, я увидел склонившуюся над собой девушку с необыкновенной красоты небесными глазами, в одной полотняной сорочке; приподнявшись, я попытался охватить её руками и прижать к себе, но она увернулась и сильно толкнула руками в грудь. Больно ударившись затылком о пол, я на какое-то время отключился. Когда же сознание вернулось и я вновь смог обрести визуальный контакт с происходящей вокруг меня чертовщиной, то надо мной уже склонилось аскетическое лицо узника подземелья с пронзительным взглядом, и я услышал вкрадчивый шёпоток:

– Женщин любишь? Ну а золото, золото?!

«Кашей...» И я без раздумий выдохнул в ответ:

– Люблю... Люблю!

– Тогда возьми! —в полный голос, надсадно протрубил искуситель.

Тут же по невидимому повиновению властной руки моему взору предстал беззаботно булькающий горшочек в окне печи. По его бокам стекало что-то жёлтое. Медленно я встал, медленно подошёл к печи и медленно протянул руки

к горшочку. Я и не думал, что способен на такое, но в тот момент за меня рассуждал кто-то другой. На сцене происходило сюрреальное действо с моим непосредственным участием, и мне нельзя было испортить роль. Сначала мне показалась, что боль в ладонях просто нестерпима, но тут я осознал, что горшочек-то совсем холодный. «Фокусники, мать вашу...» Пот всё-таки лил по мне ручьём.

Когда я обернулся, кашей уже исчез. Бабуля стояла, скрепив руки на груди, обволакивала меня синевой и бормотала:
– Женщин любишь, золото любишь... Есть в тебе силушка-то, есть – да против лешего одно не совладаешь, и себя, и душу потеряешь...

Заметив, что чешет стихами, яга захихикала.

Тут в дверь сильно постучали, судя по звуку – ногой, и настроение у бабки резко сменилось прямо на противоположное.

– Принесла, нелёгкая, заступничков... – проклекотала она.

Дверь распахнулась сама, и в избу зашли два колоритных персонажа: оба высокие, бородатые, в кольчугах на голое тело, со спутанными залежалыми волосами и босыми сурового оттенка ногами. У одного меч висел слева, у другого – справа. Правша выглядел постарше, он и забасил первым, обращаясь к хозяйке:

– Ну здорово, карга!

Та что-то неразборчиво пробурчало в ответ, явно недру-

желюбное.

Вслед за этим гость обратился ко мне:

– И тебе здорово, гнида!

В отличии от бабки, я сносить оскорбления не стал, и парировал коротко:

– Сам гнида.

К моему удивлению, обратная реплика не только не обидела гостя, но даже как-будто порадовала:

– Ого! Да ты мужик, оказывается, а не плесень болотная! Ну, давай тогда знакомиться. Степаныч я, а это Лёха. Богатыри мы, – скромно добавил он. – А ты, старая, накрывай на стол, да поживей, поговорить с человеком надо. Ты понимаешь? С ЧЕЛОВЕКОМ!

И сильно хрястнул кулаком по столу. Стоявший на столе горшочек подпрыгнул и приземлился уже на пол. Запахло кислыми щами.

Бабку прорвало.

– Ты что посуду бьёшь, ирод? На стол тебе накрывать, морда пропитая? Вон с полу лакай, холера! А ну, ступа да метла, проучите-ка непрошенных гостей!

И началась довольно весёлая потасовка: ступа и метла закружили вокруг Степаныча и Лёхи, пытаясь побольнее их поддеть, а те только побрякивали в ответ, пока наконец Степаныч, изловчившись, не поймал обеими руками ступу и не нахлобучил её на голову разошедшейся бабули. Лёха, в свою очередь, схватил метлу за черен и со всего размаха швыр-

нул в услужливо приоткрывшуюся дверь. Победа над двумя продвинутыми деревяшками была полной.

Степаныч подошёл к посрамлённой яге и постучал косяшками по водружённой на её бедовой голове ступе:

– Ну что, красавица, полетать вверх ногами не хочешь?

«Красавица» быстро и невнятно что-то забормотала. Когда богатырь не без усилий удалил мешающий её членораздельному произношению предмет, оказалась, что бабка лопочет следующее:

– Вот сраму-то на старости претерпела, вот дура-то... Всё сделаю, милоч, всё сделаю. Сейчас-сейчас...

– Ну, то-то!

Степаныч с Лёхой заметно расслабились. И зря. Не переставая бормотать под нос, бабка вдруг как-то очутилась в ступе и, компенсировав отсутствие метлы невесть откуда взявшейся в руках поварёшкой, ловко сделала по комнате круг на бреющем полёте, хлопнув при этом по лбу и Лёху, и Степаныча, после чего вылетела наружу, оставив обоих недоумённо сидеть на полу. Первым, как и положено, в себя пришёл дядька и сразу грамотно заорал:

– Лёха... раскудрить твою тудыть... ты пошто старую проворонил?

Возложив таким образом ответственность за упущенную победу на всё ещё не очухавшегося Лёху, дядька переключил своё внимание на меня:

– Пошто лыбишься-то, прихвостень змеиный? А ну по-

шли в стан, поговорим там... по душам!

Мой за последние сутки довольно вялый внутренний голос вдруг прорезался и чётко подсказал, что подобного рода разговор с тремя десятками бомжеватого вида заступничками вполне может закончиться для меня в каком-нибудь близлежащем дупле... но делать было нечего. Вздохнув, я первым поплёлся к выходу.

Глава 4

Стан богатырей располагался на поляне с живописными видами на лес, болото и сортир. Жили богатыри в палатках; на мой вопрос, где они зимуют, Степаныч нахмурил брови и бросил, что в сχροнах. Мне стало интересно, как это Аделаида Ивановна справляется с натиском тридцати с лишним мужиков в ненастную погоду, и я решил при случае (ох, представится ли?) расспросить её об этом поподробнее. Мимоходом я заглянул в одну из палаток, откуда на меня шибанул перезрелый запах сена, пота и шкурок убиённых зверьков, распятых на деревянных колышках.

Сели в теньке за добротный деревянный стол. Народу собралось человек двадцать; остальные, видимо, шлѣлись с разными намерениями по лесу. Обстановка поначалу была довольно-таки напряжённой. За всё время распития трёх кружек забористой и приятной на вкус медовухи Степаныч обратился ко мне с единственной фразой: «Тебя Машка к яге привела?» и, после моего утвердительного ответа, буркнул: «Я бы эту Машку...», на что богатыри дружно закивали, выражая полное единомыслие со своим дядькой.

«Стосковались ребятаушки по матриархату...», – подумалось мне, когда я вливал в себя очередную порцию душистого зелья. Тосты за здравия присутствующих при этом не проносились. Закуска была преимущественно растительного

происхождения.

Наконец Степаныч подобрел.

– Ну что, мать твою ети... как вам наши калачи? – довольно добродушно молвил он.

Я был готов подхватить начавшийся разговор:

– Калачи... мать вашу ети... съели мыши, как харчи.

Степаныч озадачился:

– Аллегория?..

– А хрен его знает...

Я принял ещё кружку. Степаныч крикнул:

– Только такого удалца нам тут и не хватало...

Я обиделся:

– А что, только вам одним у бога брагу тырить?

Тут обиделся уже Степаныч:

– Умный ты, я погляжу... За Машкой на хрена попёрся?

Чего у тебя с ней?

Богатыри дружно наострили уши.

Я подумал и решил переть на пролом. Медовуха действительно была хороша. Почище сыворотки правды.

– Да ничего, собственно... – Слова лезли из меня с трудом. – С лешим вот пообещала помочь встретиться.

Степаныч крикнул.

– Ну, хоть не врёшь... – Он подёргал себя за бороду. – А на кой это тебе надо? Человеком быть надоело?

«Так-так, теплее», – подумал я, вслух же произнёс:

– Эка ты загнул... Да любопытно мне просто стало. Боль-

но уж чудно о нём рассказывают.

– А ты бы поменьше слушал, – насупил брови дядька. Затем с видимой неприязнью продолжил:

– Знаю я таких... умников. Силушкой померяться хотят, да всё одно боком выходит. Не справиться тебе с лешим. Мы и то вон не справились...

– Вы? П-почему? – я попытался выказать удивление, широко вылупив глаза.

– Почему-почему... – Степаныч совсем помрачнел. – Дураки потому что. Как-то бражничали вместе... ну, и закинули его в болото: так, что три дня о нём никто ни слухом, ни духом не ведал. Каких уж он там корешков нашёл для опохмелки, откуда ему это открылось – один леший и знает, но уж отомстил он нам, так отомстил... Напоил кисельком при встрече. И ведь чувствовал я, что не надо пить его отраву, неспроста это – да что там теперь... Досыта все напились.

– А всё-таки, позвольте поинтересоваться... что же теперь? – голова у меня начала кружиться.

– А по-разному у всех. – Дядька также нехотя цедил слова, но тянуть их из него волоком не приходилось. – Меня вон Земля-матушка не держит, кувыркаюсь в воздухе, как яга в своей ступе, Лёха – тот на любой кикиморе жениться готов, Митька ягу мамой звать начинает... Но главное – силушку мы свою растеряли. – Он покачал головой, запустил пятернёй в лицо, замычал оттуда:

– Сколько раз собирались с лешим поквитаться, а он толь-

ко смотрит на нас и смеётся, смеётся лохматый... Ну, а мы друг дружку молотим со злости. Понял, нет?

– Что... понял? – ничегошеньки я уже не понимал.

Дядька разом рассердился, загудел:

– Да нам-то место здесь навеки определено, и судьба наша определена, и другими мы стать не можем, хотя русалка вон всё пытается.... и то против лешего слабину дали! не устояли, значит... Что же про тебя-то, непутёвого, говорить? – Он упёрся кулачищами о стол, набылчился на меня. – Ты вот для чего живёшь-то?

Я в одиночку пригубил медовухи и попытался уклониться от ответа:

– Ну... Живу, потому что живу. Надо так.

– Чё несёшь-то, ирод? Кому это надо? Тебе, судя по всему, не очень-то. Герой. Тьфу...

Дядька зло сплюнул.

– Таких вот леший и привечает, малохольных. Сразу начинают понимать, зачем на белый свет заявились. Баб щупать да деньги в кубышку прятать... Или сразу – в омут с головой.

– Ну... ик... и что же мне прикажешь теперь делать, а?

– А я тебе сейчас скажу, что...

Степаныч распрямился и как-то лениво, буднично двинул мне кулаком в переносицу. Мешком свалившись с лавки и цепляясь за остатки угасающего сознания, я успел ещё пьяно подумать: «Так вот к чему там весь день свербило...»

Глава 5

... Откуда сверху лилась вода, щекоча ноздри, пока я наконец не чихнул. Переносица отозвалась тупой болью, и заплавленные глаза открылись с трудом. Надо мной стояла Машка и щедро орошала пахнущей тиной влагой прямо из ведра. Это была уже перезрелого возраста Машка, с дряблой кожей и по-старушечьи поджатыми губами, так что дефилирующие мимо окончательно захмелевшие богатыри только отпускали в её адрес шуточки типа: «Эй, бабуля, пойдём со мной – сразу помолодеешь», – и весело ржали при этом. Машка не обращала на них никакого внимания, только одному особу бойкому остряку пообещала навести порчу на его мечкладенец, отчего тот сразу потерял щедрое от природы чувство юмора. Заметив мой вполне осмысленный взгляд, Машка ласково сказала:

– Давай-ка вставай, миленький, да пойдём уж домой...

Она помогла мне подняться и, придерживая за плечи, провела мимо гогочущих мужиков, а также вольно раскинувшегося на земле мертвецки пьяного драчливого дядьки. Так и доставила меня, заботливо не давая упасть, через все пни и коряги, по причудливо извивавшейся тропинке, по непослушной встающей на дыбы лестнице до самой комнаты, где я и рухнул на кровать. Потом ещё наложила остро-пахнущую мазь на распухшее лицо, стащила с меня

джинсы, кроссовки и укутала одеялом, приговаривая при этом:

– Ты не волнуйся, миленький, всё будет хорошо, всё обойдётся...

«Видимо, я в самом деле здорово ей нужен... всем им...», – ворошилось у меня в мозгу, пока я в очередной раз проваливался в мутно-липкое небытие.

Проснулся я легко, и голова была на удивление ясной. День клонился к вечеру. Зеркало беспристрастно отразило полное отсутствие следов насилия на моём лице, что меня приятно порадовало. «Ай да Машка...» Стук в дверь прервал моё самолюбование, и смутным тягостным воспоминанием в комнате нарисовался Степаныч. Был он помят, хмур и краток, басил, старательно отворачиваясь, в сторону:

– Ты... это... не обижайся уж на меня. Зол я на лешего. Не надо бы тебе к нему, да кто я, чтобы тебе советы давать... В общем, будет помощь какая нужна – уж постараемся не оплошать. Ну, я пошёл.

Дядька исчез. Краткий анализ его речи ясно давал понять, что не плошать в первую очередь всё-таки придётся мне, и Степаныч хоть немного, да надеется на меня, иначе не снизошёл бы до извинений.

Когда я спустился во владения Аделаиды Ивановны, она и Машка сидели рядышком на диване – прекрасные и печальные.

– Что грустим, красавицы? – бодро обратился я к при-

сутствующим дамам полусвета. – Не переживайте, наладится всё как-нибудь.

Машка вздохнула.

– Наладится. А пока пошли со мной.

– Куда это? – довольно игриво поинтересовался я.

– Кисель пить.

Настроение резвиться у меня сразу пропало.

– В смысле? – в придачу, я тут же ещё и поглупел.

– В прямом. – Машка на меня не смотрела, говорила тихо и протяжно. – Леший велел передать – если хочешь о жизни с ним потолковать, то сначала киселька на пробу испей. Я тебе и оставила. – Вскинулась глазами. – Не передумал ещё в гости-то? Смотри, после киселька уже не удерёшь отсюда – всё по кругу будешь ходить да обратно возвращаться... А сейчас сбежишь – вовек нас не более не сыщешь. И товарищи твои не найдут. Уж мы постараемся.

– Так...

Пить кисель не хотелось. До спазм в желудке. Всё-таки я любил себя такого, как есть, а что там со мной приключится после распития – непонятно, но без странностей точно уж никак не обойдётся. Но выхода не было, после Машкиных слов я это понял сразу. Эх, бедолага ты, бедолага... Опять ведь одному на рожон переть придётся. Ну и ладно.

Мистерия моего возможного видоизменения обыденно произошла в столовой. Кисель был подан мне в пивной кружке, наполненной примерно на треть. Пахло от пойла бо-

лотной тиной и чем-то ещё, сладко-дурманящим и отталкивающим одновременно. Не закрывая глаз, я медленно цедил мутновато-белёсую жидкость, по вкусу напоминавшую... Не знаю. Это была смесь какого-то знакомого с детства лекарства, несвежей воды и растаявшей во рту приторно-сладкой сахарной ваты. Во всяком случае, добавки просить не хотелось. Желудок вдруг резко свело от тупой боли, в горле засадило, слёзы сами потекли по полыхнувшему румянцем щекам. Затем по всему телу пробежал отголосок лопнувшей струны и на какое-то время ещё остался дрожать в ладонях и ступнях, пока окончательно не затих – может быть, в моей душе.

– Ну... как ты? – озабоченно и вместе с тем деловито осведомилась Машка.

– Да ничего вроде бы... – Просипел я. – Отпускает.

– А ты молодец, сильный. – Машка почти любовно пыталась заглянуть мне в глаза. – Меня вот сразу кружить начинает – кружит и кружит, так что себя уже не чувствуешь, потом душа вроде бы как на место опускается, а тело уже молодое, и пить хочется – пью-пью, а всё мало, мало...

– Да, – подала голос и Аделаида Ивановна, – и я как в себя прихожу – не упомяну, после сразу на ноги поднимаюсь, а в нос рыбьим-то духом и нешибает вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.